Н. Абрамовъ.

ДАРЪ СЛОВА.

Выпускъ пятый.

МИМИКА.

РАДОСТЬ. ПРІЯТНОЕ ИЗУМЛЕНІЕ.

СТРАДАНІЕ. СОМНѢНІЕ.

УЖАСЪ. ПРЕЗРѢНІЕ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

Типо-Литографія І. Лурье и К°, Гороховая улица, домъ № 48.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію основъ мимики (мы излагаемъ по сочиненію Karl Skraup „Katechismus der Mimik“), считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о значеніи мимики именно какъ „Дара Слова“, т. е. какъ извѣстнаго способа выраженія мыслей и чувствъ, ибо только съ этой точки зрѣнія „Мимика“ и могла попасть въ издаваемую нами серію книжекъ.

Едва-ли нужно доказывать, что самый достойный, благородный способъ выраженія у здороваго человѣка—это рѣчь, слово, простая, безыскусственная проза. Сопровождающая и какъ бы подчеркивающая эту прозу мимика свидѣтельствуетъ либо объ отсутствіи самообладанія, выдержки, либо о притворствѣ, дипломатическомъ желаніи скрыть свои чувства. И то, и другое —свойства отрицательныя, одинаково говорящія противъ увлеченія мимикой. Кромѣ того, далеко не всѣ мины красятъ лицо: очень часто „рожи“, дѣлаемыя хотя-бы отъ „чистаго сердца“, оскорбляютъ наше эстетическое чувство, приближая человѣка къ обезьянѣ. Но и этого еще мало. Какъ продуктъ момента, мина часто является опаснымъ предателемъ, обнаруживая чувства, не предназначавшіяся для свѣдѣнія чужихъ людей. По взглядамъ и минамъ, по жестамъ, по способу держанія головы и корпуса, по темпу движеній, мало-мальски наблюдательный человѣкъ почти безошибочно опредѣлитъ нашъ характеръ, по крайней мѣрѣ основныя свойства его, съ перваго взгляда.

Вотъ доводы *противъ* увлеченія мимическимъ способомъ выраженія мыслей. Приведеніемъ ихъ здѣсь мы желаемъ сказать, что излагаемое въ нашей книжкѣ должно быть принято *къ свѣдѣнію*, — оно послужитъ

намъ пособіемъ для разгадыванія людей, съ которыми мы сталкиваемся,—но не всегда *къ исполненію.* На сценѣ правила мимики должны строго и постоянно соблюдаться, въ жизни же—чѣмъ меньше мимики, тѣмъ лучше.

Конечно, полное игнорированіе мимики, мраморная неподвижность лица—вѣрнѣйшій признакъ умственной ограниченности. Интеллигентный человѣкъ, у котораго умъ работаетъ исправно, а чувства не застыли, не можетъ не отражать на своемъ лицѣ интенсивную внутреннюю жизнь. Она бьетъ наружу сотнями движеній чисто рефлексивныхъ. Въ особенности примѣнимо это къ дамамъ, которыя обыкновенно впечатлительнѣе мужчинъ, глубже ихъ чувствуютъ. Сколько прелести обнаруживаетъ милое женское личико, моментально отражающее каждую мысль, промелькнувшую въ головѣ его обладательницы, каждое чувство и даже малѣйшій оттѣнокъ чувства, каждое движеніе сердца! Что въ сравненіи съ этой кипучей жизненностью мраморная неподвижность холодной красавицы,—разукрашенной куклы, застывшей въ своихъ формахъ!

Человѣку, живущему въ обществѣ, игра минъ (выраженія радости, состраданія, восторга т. п.) необходима: она принадлежитъ къ тѣмъ „условнымъ лжамъ“ европейскаго общежитія, которыя многими высмѣиваются, но которыя держатся и еще долго будутъ держаться, какъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ продуктовъ цивилизаціи: съ ними жить легче и удобнѣе, нежели безъ нихъ. Но, повторяемъ, все въ мѣру. Лучше даже совсѣмъ воздерживаться отъ минъ. Борьба съ природой и скверными привычками въ области мимики должна вестись неустанно. Не бойтесь заглушить природу: скорѣе она выйдетъ побѣдительницей, а не вы; вы узнаете объ ошибкѣ уже послѣ того, какъ совершили ее.

ГЛАВА I.

Что такое мимика?

Подъ мимикой обыкновенно разумѣютъ способность выражать различныя *впечатлѣнія* и *мысли* путемъ минъ и гримасъ. Это опредѣленіе требуетъ нѣкотораго расширенія въ томъ смыслѣ, что существуетъ много выразительныхъ движеній, не имѣющихъ никакого отношенія къ чувствамъ и міру мыслей: движенія эти разъясняютъ извѣстныя, чисто тѣлесныя обстоятельства. Слѣдовательно, мимика представляетъ собою ученіе о всѣхъ движеніяхъ человѣка, которыми онъ разъясняетъ, такъ сказать, иллюстрируетъ свое духовное и тѣлесное состояніе. Художникъ, поэтъ, беллетристъ должны интересоваться мимикой, какъ искусствомъ, указывающимъ пути къ передачѣ духовныхъ и тѣлесныхъ состояній людей.

Мимика—искусство болѣе широкое, нежели физіогномика, ибо послѣдняя учитъ заключать о душевныхъ качествахъ человѣка по внѣшнему строенію его тѣла, особенно лица; мимика же имѣетъ дѣло не только съ постоянными, какъ бы застывшими выраженіями, а со всякимъ самомалѣйшимъ движеніемъ, и не только лица, но всѣхъ частей тѣла.

Мимика часто выразительнѣе слова и всегда быстрѣе слова. Въ то время какъ разсудокъ обдумываетъ, какое именно слово въ состояніи точнѣе всего выразить то или другое желаніе или впечатлѣніе, въ то время какъ сложный аппаратъ рѣчи долженъ полученное возбуж-

деніе превратить въ звуки и слова, очень часто одно мимическое движеніе, взглядъ, дрожаніе лицеваго мускула уже сообщило то, что впослѣдствіи должно подтвердить сказанное слово. Что мимика зачастую выразительнѣе слова, можно видѣть изъ того, что очень часто, оставаясь равнодушными къ самой громкой жалобѣ, мы не можемъ противостоять нѣмой просьбѣ. Энергично произнесенный приказъ часто остается не выслушаннымъ, въ то время какъ простого движенія достаточно, чтобы вызвать исполненіе.

Подобно тому какъ первое условіе для оратора знать языкъ, которымъ онъ говоритъ, подобно тому какъ онъ долженъ умѣть владѣть каждымъ тономъ, каждымъ звуковымъ оттѣнкомъ своего голоса, такъ онъ долженъ быть господиномъ своего тѣла, особенно лица, долженъ въ совершенствѣ усвоить себѣ искусство мимики. Мимика должна иллюстрировать высказываемыя слова, чувства, мысли. Мимическія выраженія допускаютъ тысячу нюансовъ, тысячу комбинацій, и всѣ онѣ должны быть ему знакомы, всѣ должны быть усвоены и примѣняемы на дѣлѣ. Ибо только благодаря этому рѣчь пріобрѣтаетъ пріятную гибкость, только этимъ избѣгается отталкивающая монотонность изображенія. Вотъ эта монотонность, эта стереотипность въ употребленіи извѣстныхъ движеній составляетъ, какъ извѣстно, главное возраженіе противъ искусства мимики. Противники говорятъ, что усвоеніе разъ навсегда установленныхъ движеній придаетъ мимикѣ характеръ условный, удаляетъ ее отъ жизни и живыхъ, естетственныхъ, нутромъ вызванныхъ движеній.

Это возраженіе мы отпарируемъ такъ: мимическія правила, изложенныя въ предлагаемой книжкѣ, основаны на изученіи человѣческой природы: они представляютъ результатъ долгихъ наблюденій и поэтому всѣми

корнями своими лежатъ въ жизни; изъ жизни они черпаютъ живительные соки. Мимическое правило, соблюдающееся сознательно, конечно, стѣсняетъ свободу выраженія, какъ стѣснительно всякое правило, какъ-бы разумно и цѣлесообразно оно ни было. Но стѣсненіе не всегда явленіе отрицательное; стѣсненія часто благотворны, напримѣръ, когда ими человѣкъ удерживается отъ невѣрныхъ или некрасивыхъ выраженій. Совершенство будетъ скорѣе достигнуто при точномъ знаніи правилъ, нежели безъ знанія ихъ. А тамъ предоставляется каждому варіировать свои движенія въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, собственнаго организма, среды и т. п., условій въ которыхъ человѣкъ съ мало-мальски развитымъ художественнымъ чутьемъ всегда сумѣетъ разобраться.

ГЛАВА II.

Средства мимики.

Какъ бы ни были незначительны средства, которыми человѣкъ выражаетъ свои душевныя и тѣлесныя состоянія, однако, комбинаціи и варіаціи, составляемыя изъ этихъ немногихъ средствъ, считаются тысячами.

Важнѣйшими средствами являются слѣдующія:

1) *Движенія мышцъ:* они выражаются въ движеніяхъ головы, позвоночнаго столба, членовъ (рукъ, ногъ напр при топаніи, плечъ и проч.) и лицевыхъ мышцъ.

2) *Нарушенія дыханія*: они выражаются болѣе живымъ, болѣе медленнымъ или отрывистымъ дыханіемъ. Сюда относится также дѣятельность грудобрюшной преграды, которая выражается:

3) *Голосовыми явленіями*: крикомъ, вздохомъ, плачемъ и смѣхомъ.

4) *Нарушенія кровообращенія*: когда человѣкъ крас-

нѣетъ или блѣднѣетъ или когда краснѣетъ глазное яблоко.

5) *Тѣлесныя отдѣленія*: прежде всего слезы и потъ.

6) *Поднятіе волосъ дыбомъ*.

Явленія подъ цифрами 4, 5 и 6 не находятся во власти человѣка, хотя есть очень чувствительные актеры, которые обладаютъ способностью проливать слезы, краснѣть и блѣднѣть по произволу.

ГЛАВА III.

Положеніе тѣла.

Раньше чѣмъ приступить къ описанію движеній рукъ и кистей, которымъ, наравнѣ съ лицомъ, принадлежитъ главная роль въ выразительныхъ движеніяхъ, мы разсмотримъ въ общихъ чертахъ самое главное о положеніи и движеніи всего корпуса.

Въ отличіе отъ артистовъ, обыкновенному человѣку, въ томъ числѣ и оратору, требуется знакомство только съ двумя положеніями тѣла: стоячимъ и сидячимъ. Артисты же должны еще изучать и лежачее положеніе.

Въ состояніи покоя не только лицо, но и все тѣло обнаруживаетъ вялость мышцъ, указывающую на полную бездѣятельность.

При *стоячемъ покойномъ положеніи* тяжесть столба разлагается равномѣрно на тазъ и находитъ свою точку опоры на полу на обѣихъ ступеняхъ (см. фиг. 1).

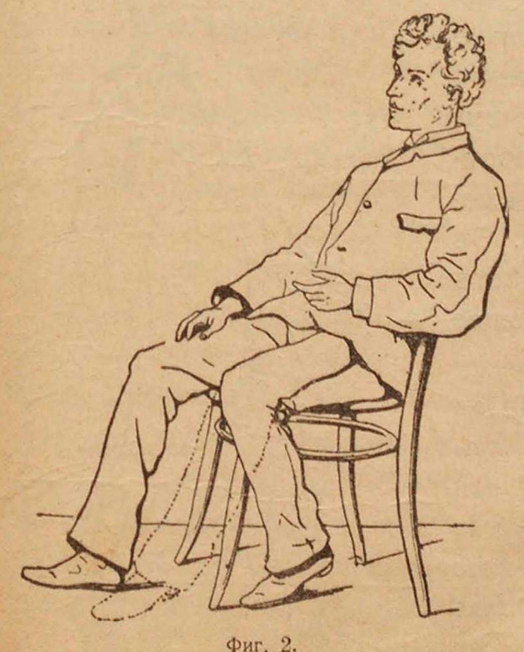
Въ виду этого должно обратить вниманіе на то, что перемѣщеніе тяжести только на одну ступню или на пятки вызываетъ выступаніе таза въ соотвѣтствующую сторону или отклоненіе его назадъ. Вслѣдствіе этого свобода движеній затрудняется, а именно: затрудняется переходъ отъ покоя въ движеніе въ ту сторону, гдѣ покоится вся тяжесть, ибо каждому движенію дол-

жно предшествовать раздѣленіе тяжести, сопровождающееся извѣстной перемѣной положенія. Руки висятъ съ ладонями, обращенными къ корпусу. Онѣ, однако, могутъ помѣщаться и впереди или позади корпуса. Кисти могутъ быть сложены или всунуты за поясъ, въ пазуху или въ карманы.

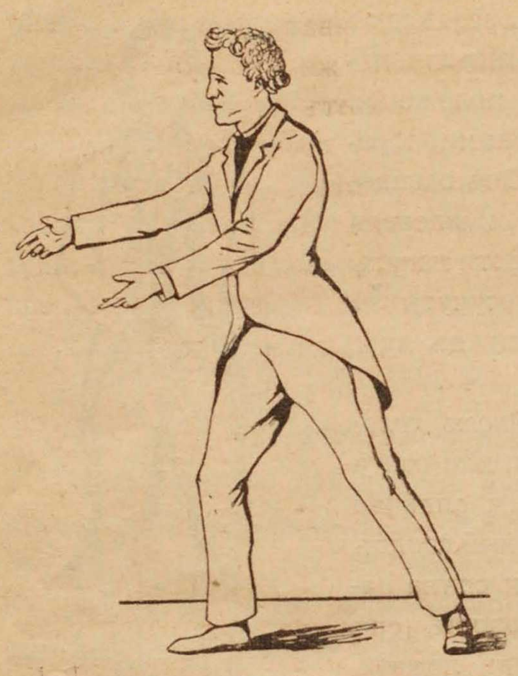
Фиг. 1.

При *сидячемъ покойномъ положеніи* центръ тяжести или точка опоры переносится на сидѣнье (см. фиг. 2). Позвоночный столбъ покоится на тазу; если спина находитъ себѣ точку опоры, она на нее опирается. Руки лежатъ въ бездѣйствіи на груди, или, еще лучше, на колѣнахъ. Переходъ отъ спокойствія къ движенію, къ стоянію, лучше всего подготовляется изображеннымъ на нашемъ рисункѣ положеніемъ ногъ.

Фиг. 2.

Особенно выразительными движеніями всего тѣла являются *движенія впередъ* (фиг. 3) *и назадъ* (фиг. 4). При этихъ движеніяхъ корпусъ принимаетъ тѣмъ болѣе косое направленіе впе-

Фиг. 3.

редъ или назадъ, чѣмъ сильнѣе чувство, вызвавшее это положеніе. Разсматриваемыя движенія исполняются и вбокъ и часто переходятъ въ *ходъ*, направляющійся въ соотвѣтствующую сторону.

Наравнѣ съ лицомъ, *руки и кисти рукъ* играютъ главную роль въ выразительныхъ движеніяхъ.

Красота требуетъ, чтобы всѣ движенія кистей и рукъ исполнялись волнистыми, дугообразными линіями. Только въ рѣдкихъ, особенныхъ случаяхъ извѣстныя выраженія требуютъ короткихъ и быстрыхъ движеній по прямой линіи. Въ этихъ случаяхъ не имѣетъ примѣненія и слѣдующее правило:

При всѣхъ движеніяхъ воздухъ разсѣкается краемъ кисти, причемъ, при движеніяхъ вверхъ впереди идетъ сторона большаго пальца, а при движеніяхъ внизъ сторона мизинца.

Фиг. 4.

Конечно, этимъ закономъ

мы отнюдь не желаемъ ограничивать свободу мимическихъ выраженій, вызываемыхъ жизнью. Эстетически развитой человѣкъ всегда опишетъ болѣе или менѣе красивыя движенія уже въ силу своего воспитанія, въ силу врожденнаго чувства красоты. Чрезмѣрная полировка, вообще, не рекомендуется, хотя бы она въ точности соотвѣтствовала выработаннымъ законамъ мимики. Наоборотъ, бываютъ случаи, когда именно угловатыя и некрасивыя формы выраженія какъ разъ у мѣста

Существуютъ три степени движеній.

1) *Малое движеніе*: рука доводится, самое большое, до высоты локтя.

2) *Среднее движеніе*: рука можетъ достигнуть высоты плечъ и

3) *Большое движеніе*: рука вмѣстѣ съ кистью доходитъ до высоты головы, рѣдко выше.

Всѣ эти движенія могутъ быть исполняемы не только одною кистью, но одновременно обѣими руками.

При малыхъ движеніяхъ нужно предостеречь отъ кистевыхъ движеній, не сопровождающихся поднятіемъ руки: они указываютъ на извѣстную потребность въ движеніи, но въ своей рудиментарной незначительности ровно ничего не выражаютъ. Подобныя движенія обыкновенно присущи начинающимъ. При одновременныхъ движеніяхъ рукъ нужно остерегаться полной симметріи, ибо она противорѣчитъ природѣ.

Главное правило мимики таково: *чѣмъ живѣе чувство, тѣмъ живѣе движеніе*.

При подъемѣ чувствъ, подымаются движенія и наоборотъ. Если я, напримѣръ, употребляю малое движеніе, а мое чувство подымается, то я перехожу къ движенію слѣдующей степени или же къ исполненному малому движенію одной руки я присоединяю вторую руку, что тоже обозначаетъ подъемъ. *Подымающіяся и*

опускающіяся движенія прямо пропорціональны подымающимся и опускающимся ощущеніямъ.

Здѣсь умѣстно обратить вниманіе на нѣкоторыя важныя мимическія движенія. Если я, напримѣръ, предпринялъ обѣими руками среднее движеніе, то я никогда не перейду къ низшей высотѣ движенія обѣими руками сразу, но одна рука дойдетъ до новаго ощущенія, въ то время какъ другая, какъ бы задержанная прежнимъ сильнымъ ощущеніемъ, нѣсколько позже, мало-по-малу слѣдуетъ за первой рукой къ низшей высотѣ. Только извѣстныя выраженія, требующія моментальнаго ослабленія (какъ напримѣръ, безнадежность), заставляютъ падать обѣ руки вдругъ и одновременно.

Высота движенія одной руки можетъ быть превзойдена другой. Правая рука можетъ описывать малое движеніе, а лѣвая можетъ подъ вліяніемъ новаго ощущенія подняться до большого движенія и наоборотъ. Подобное явленіе часто обнаруживается особенно въ повѣствованіяхъ. Здѣсь рука, обращенная къ собесѣднику, притягивается послѣднимъ живѣе, нежели другая. Сюда примыкаетъ и слѣдующее правило: *движенія выражаются раньше и живѣе на той сторонѣ, откуда появляется возбуждающее впечатлѣніе.*

Перейдемъ теперь къ спеціальному описанію ручныхъ движеній. Здѣсь различаются слѣдующія формы:

1) *открытая рука* (см. фиг. 5), когда ладонь обращена къ лицу оратора. Это движеніе имѣетъ мѣсто при всѣхъ пріятныхъ ощущеніяхъ. Оно является формой выраженія простыхъ разсказовъ, утвержденій или

Фиг. 5.

вопросовъ, слѣдовательно, употребляется вездѣ, гдѣ я хочу что-либо имѣть или дать.

Покрытая рука (см. фиг. 6), когда ладонь невидима

Фиг. 6.

для глаза оратора, а къ нему обращенъ тылъ руки. Она есть выраженіе всѣхъ непріятныхъ ощущеній и употребляется вездѣ, гдѣ я что-либо отъ себя отклоняю, причемъ при оборонѣ она немного приподнимается (какъ бы отталкиваетъ); она также есть выраженіе отрицанія, когда я отодвигаю отъ себя вбокъ покрытую руку.

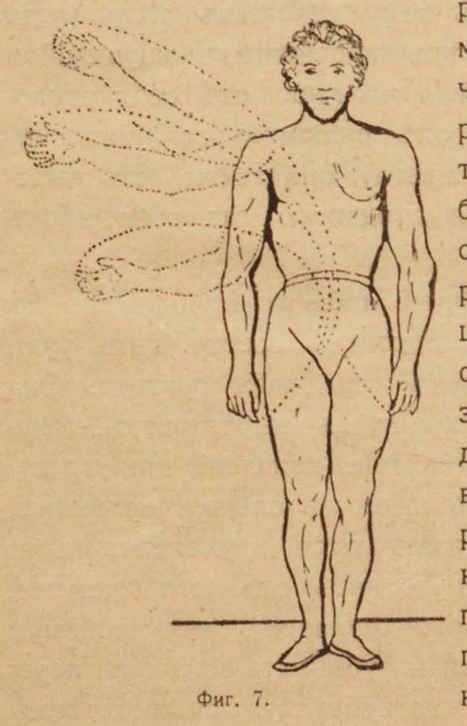
3) *Сжатая рука* (кулакъ): пальцы приближены къ ладони, большой палецъ покоится сверху, тылъ руки большею частью отвращенъ отъ глаза оратора. Она можетъ употребляться при всѣхъ выраженіяхъ, означающихъ сильное сопротивленіе, нападеніе или угрозу. Она принадлежитъ къ тѣмъ выразительнымъ формамъ, которыя у физіологовъ называются „рудиментарными движеніями", дошедшими до насъ отъ того времени, когда человѣкъ пользовался кулакомъ для нападенія (подобно тому какъ скалить зубы есть остатокъ, пережитокъ того времени, когда зубы служили средствомъ борьбы). Особый видъ сжатой руки представляетъ то положеніе, когда пальцы растопырены и согнуты.

4) *Растопыренная рука*: пальцы покрытой руки разъединены и напряженно вытянуты. Это собственно — усиленная форма покрытой руки и примѣняется при высшихъ степеняхъ непріятныхъ ощущеній.

5) *Указующая рука*: слабо сжатая рука съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ. Ея примѣненіе яв-

ствуетъ изъ названія. Должно еще упомянуть, что указательное движеніе всегда дѣлается въ направленіи отъ корпуса. Указательное движеніе въ направленіи къ собственному корпусу всегда указываетъ на нѣчто унизительное, негодное или насмѣшливое.

Теперь объяснимъ движенія рукъ на примѣрѣ. Представимъ себѣ стоящаго человѣка въ состояніи покоя (см. фиг. 7): руки висятъ свободно, ладони обращены къ корпусу, Для малаго движенія нижняя часть руки дѣлаетъ оборотъ вокругъ локтевой точки. Кисть слѣдуетъ за большимъ пальцемъ, описываетъ дугу почти у середины тѣла, идетъ дальше, достигая почти высоты локтя такимъ образомъ, что ладонь къ концу движенія почти обращена вверхъ, ибо нижняя часть руки дѣлаетъ при этомъ небольшой оборотъ. Это при открытой рукѣ. При покрытой рукѣ, послѣ того какъ нижняя часть руки сначала предприняла маленькій оборотъ, и тотъ край, гдѣ находится большой палецъ, обратился впередъ, дуга описывается наружу и вверхъ, а въ концѣ, путемъ новаго небольшого оборота ннжней части руки, тылъ обращается къ глазу оратора или вообще лица дѣйствующаго. При малыхъ движеніяхъ верхняя часть руки лишь немного удаляется отъ тѣла. Для средняго движенія, какъ и для большого, рука и кисть описы-

Фиг. 7.

ваютъ до высоты локтя тотъ же путь, что и при маломъ движеніи. Начиная отсюда точка вращенія переносится на плечевой суставъ, и вся столь пріятно изогнутая рука описываетъ далѣе большую дугу.

Разсмотримъ теперь *акценты* движеній. Подобно тому какъ въ рѣчи существуютъ ударенія (акценты), такъ мы находимъ ударенія (акценты) и въ движеніяхъ.

Движеніе получаетъ акцентъ оттого, что подымающаяся линія напослѣдокъ получаетъ паденіе, въ нѣкоторомъ родѣ подчеркиваніе. При повтореніи акцента рука или кисть должны быть снова приподняты, чтобы сдѣлать возможнымъ новое опущеніе.

Для мимическаго сопровожденія рѣчи установимъ здѣсь нѣсколько главныхъ правилъ.

1) *Однообразная мысль или однообразное ощущеніе получаетъ всегда одно и то же движеніе.*

2) *Подчеркиваемое слово должно совпадать съ подчеркиваемымъ движеніемъ.*

3) *Чѣмъ энергичнѣе подчеркивается слово, тѣмъ энергичнѣе должно быть подчеркнуто и движеніе.*

При всѣхъ этихъ положеніяхъ и движеніяхъ должно обращать вниманіе на то, чтобы часть тѣла, которая должна выразить возбужденіе, не закрывалась собственнымъ корпусомъ, и чтобы движеніе не обрывалось способомъ, оскорбляющимъ глазъ или парализующимъ возможность наблюденія.

Принимая во вниманіе установленныя выше четыре основныхъ закона мимики, можно всѣ движенія для наглядности разбить на слѣдующія категоріи:

1) *Чисто-выразительныя движенія*, которыя вызываются тѣлеснымъ или духовнымъ состояніемъ человѣка.

2) *Указательныя и изобразительныя движенія*, распадающіяся на: движенія съ цѣлью вызвать иллюзію и

движенія фигурныя, т. е. старающіяся представить самые предметы, лица и ихъ дѣйствія.

3) *Движенія подражательныя*, которыми мы выражаемъ ощущенія и состоянія другихъ людей.

4) *Движенія возбудительныя*, которыми мы желаемъ вызвать у другихъ лицъ ощущенія и состоянія путемъ выраженія этихъ ощущеній или состояній.

ГЛАВА IV.

Состоянія и ихъ выраженія.

Каждое душевное или тѣлесное состояніе человѣка находитъ свое выраженіе въ его внѣшности. Поэтому прежде всего мы должны различать: *выраженія душевныя* и *выраженія тѣлесныя*. Но уже здѣсь предъ нами выступаетъ то обстоятельство, что рѣдкое выраженіе остается въ своей простой, элементарной формѣ; большею частью выраженія комбинируются. Голодъ и жажда—тѣлесныя состоянія, но ихъ выраженіе часто связано съ явленіями, въ которыхъ участвуетъ душа, причемъ явленія эти будутъ тѣмъ живѣе, чѣмъ развитѣе данный субъектъ въ умственномъ отношеніи. Несмотря на это мы считаемъ возможнымъ указать слѣдующія формы чисто тѣлесныхъ выраженій: *голода, жажды, теплоты, усталости, сна, обморока, смерти*.

Классификація тѣхъ выраженій, въ которыхъ участвуютъ мысли и чувства, потому трудна, что мы здѣсь встрѣчаемъ выразительныя формы, вызываемыя хотя мыслью, но съ участіемъ чувства, а часто находимъ и такія состоянія, гдѣ участвуютъ вмѣстѣ и чувство, и мысль, и гдѣ къ участію привлекается и тѣло. Поэтому мы предпочитаемъ другую классификацію, а именно: раздѣлимъ эти выраженія на такія, гдѣ субъектъ удовлетворенъ, и на такія, гдѣ онъ получилъ непріятное ощущеніе. Тогда мы получаемъ:

Душевныя состоянія.

Пріятныя:	*Непріятныя:*
любовь,	ненависть,
почтеніе,	презрѣніе,
вниманіе,	невниманіе,
благоговѣніе,	насмѣшка,
восхищеніе,	страхъ,
скромность,	уныніе,
смиреніе,	печаль,
покорность,	забота,
суетность,	страданіе,
достоинство,	отчаяніе,
гордость,	отреченіе,
высокомѣріе,	безнадеждость,
храбрость,	пришибленность,
рѣшимость,	безпокойство,
радость,	разсѣянность,
восторгъ,	затрудненіе,
мечтательность,	угрызенія совѣсти
участіе,	и нѣк. друг.
состраданіе,	

И при такомъ дѣленіи возможно, напримѣръ, что ненависть доставляетъ удовлетвореніе, а участіе и состраданіе могутъ доставить непріятность. Въ подобныхъ случаяхъ основное чувство вытѣсняется новымъ, побочнымъ, и сообразно этому мѣняется форма выраженія.

Чисто душевныя формы выраженія даютъ: *размышленіе*, *удивленіе*, *утвержденіе*, *отрицаніе* и всѣ формы *разсказа* и *описанія*.

При всѣхъ душевныхъ выраженіяхъ мы обратимъ вниманіе на одно обстоятельство, которое даетъ особенно богатую пищу серьезно занимающемуся мимикой. Большинство физіологовъ признаютъ, что независимо отъ наслѣдственности и подражанія, громадная часть выразительныхъ формъ имѣетъ цѣлью защитить

человѣка отъ внутренней или внѣшней опасности. Напримѣръ, въ глубочайшемъ душевномъ страданіи человѣкъ рветъ на себѣ волосы, бьетъ себя въ виски, въ грудь; онъ, такимъ образомъ, желаетъ свое внутреннее страданіе какъ-бы отвести наружу и защитить себя отъ опасности выравненіемъ внутренняго и внѣшняго возбужденія. Когда трусъ обращается въ бѣгство, онъ одну руку протягиваетъ къ тому мѣсту, куда онъ бѣжитъ и откуда ожидаетъ себѣ защиты, а другая рука остается обращенной къ мѣсту опасности, которую онъ какъ-бы желаетъ этимъ задержать.

Можно установить еще одно важное правило, бросающее свѣтъ на различныя выраженія душевныхъ состояній: *всѣ выраженія означаютъ либо нападеніе либо защиту*. Если принять это правило, то получаетъ подтвержденіе наше дѣленіе ощущеній на пріятныя и непріятныя. Ибо не требуютъ доказательствъ слѣдующіе основные законы мимики:

1) все, что мнѣ непріятно, я хочу отъ себя отстранить или удалить;

2) все, что мнѣ пріятно, я хочу удержать или получить;

3) тамъ, гдѣ я хочу напасть, я ставлю свое тѣло въ наиболѣе благопріятномъ освѣщеніи;

4) тамъ, гдѣ я хочу защититься (при чемъ съ моей стороны нападенія не предвидится) я становлюсь въ наименѣе благопріятномъ освѣщеніи.

Примѣры: Человѣкъ, котораго я презираю, мнѣ непріятенъ. Чтобы выразить презрѣніе, я закрываю вѣки и отворачиваюсь отъ презираемаго предмета; онъ кажется мнѣ недостойнымъ, чтобы сморѣть на него; я дѣлаю отбрасывающее движеніе рукой; все это такія выраженія, которыя указываютъ, что я бы желалъ видѣть презираемый

предметъ подальше отъ себя. Этотъ примѣръ годится и для четвертаго закона, ибо отворачивая тѣло, закрывая глаза, оттягивая назадъ углы рта, выставляя верхнюю губу впередъ и тѣмъ обнаруживая часть зубовъ, я ставлю себя въ неблагопріятное положеніе, которымъ я защищаюсь отъ близости презираемаго предмета.

Примѣръ ко второму и третьему закону. Любовь и всѣ родственныя ей выраженія раскрываютъ руки, описываютъ рукой ласкательныя движенія вокругъ предмета, возбудившаго это ощущеніе, чтобы достать до него или какъ-бы удержать его. При этихъ выраженіяхъ тщеславный, гордый, храбрый постарается повысить впечатлѣніе своей личности, дабы этимъ больше привлечь достигиемый предметъ. Этимъ желаніемъ выставить себя въ наилучшемъ свѣтѣ одновременно должно быть удержано и противоположное нападеніе.

Нѣсколько страннымъ можетъ здѣсь показаться то, что мы выраженіе пріятныхъ состояній представляемъ въ качествѣ выраженія нападеній. Этотъ взглядъ будетъ тогда вѣрно понятъ, когда понятіе нападенія будетъ представляться не какъ дѣятельность, а какъ состояніе борьбы. Объяснимся подробнѣе. Любящій, который желаетъ завладѣть и владѣть женщиной, ставитъ себя въ наивыгоднѣйшемъ свѣтѣ, дабы этимъ произвести впечатлѣніе на любимый предметъ. Еще яснѣе предстанетъ справедливость нашей теоріи, если внимательнѣе разсмотрѣть выраженіе смиренія, скромности, которое въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова не имѣетъ въ себѣ ничего наступательнаго. Человѣкъ, желающій быть смиреннымъ, скромнымъ, ставитъ себя, въ отношеніи того лица, предъ которымъ онъ изъявляетъ свое смиреніе, въ наивыгоднѣйшемъ свѣтѣ.

Онъ именно и хочетъ чего-то достигнуть своимъ смиреніемъ, хотя и безсознательно, и произвести хорошее впечатлѣніе.

Изъ вышеприведенныхъ четырехъ законовъ можно вывести одно основное правило, а именно: *во всѣхъ случаяхъ нападенія корпусъ наклоняется впередъ, во всѣхъ случаяхъ защиты—онъ отклоняется назадъ.*

Нужно еще различать выраженія чувствъ: осязанія, зрѣнія, слуха, вкуса и обонянія, и затѣмъ тѣ формы выраженій, которыя, благодаря постоянному повторенію, оставляютъ постоянный знакъ и превращаются въ постоянныя выраженія, становящіяся неотъемлемыми для данной личности [1]). Таковы выраженія: похотливости, жестокости, любостяжанія, скупости, щедрости, дерзости, застѣнчивости, недовѣрія, лести, властолюбія, трусости и нѣкоторыя другія. Также и привычка къ извѣстной дѣятельности оставляетъ постоянные слѣды, характеризующіе данный классъ людей. Наконецъ, имѣются выраженія болѣзненныхъ состояній.

Установивъ такимъ образомъ дѣленіе мимическихъ выраженій и увидавъ, что помимо всякихъ комбинацій существуютъ три рода выраженій: тѣлесныхъ, чувственныхъ и умственныхъ, мы можемъ теперь перейти къ основнымъ законамъ, управляющимъ всѣми мимическими выраженіями.

1) *Всѣ мимическія выраженія первоначально имѣли цѣлью защитить человѣка отъ внутренней или внѣшней опасности или сдѣлать его болѣе способнымъ для нападенія или обороны.*

Выразительныя движенія для защиты отъ внутренней органической опасности еще и теперь управляются

[1]) На этомъ основывается опредѣленіе характера человѣка по фотографической карточкѣ его: постоянное выраженіе извѣстныхъ состояній оставляетъ на физіономіи извѣстные слѣды, которые при нѣкоторомъ навыкѣ могутъ быть истолкованы вполнѣ точно.

естественнымъ закономъ: чувствомъ самосохраненія. Различныя движенія для защиты отъ внѣшней опасности или для возвышенія способности къ нападенію или оборонѣ, отчасти потеряли уже свою первоначальную цѣль подъ вліяніемъ культуры; но они сохранились въ ослабленной формѣ благодаря наслѣдственности и подражанію. Отсюда вытекаетъ второй законъ:

2) *Многія выразительныя движенія отчасти потеряли свою первоначальную цѣль, но сохранились благодаря подражанію и наслѣдственности.*

Съ развитіемъ культуры и фантазіи у людей возникла необходимость сдѣлать мысли и ощущенія болѣе наглядными при помощи выразительныхъ движеній. Умъ постепенно привыкъ связывать съ ними извѣстныя представленія.

3) *Въ извѣстныхъ состояніяхъ ума и чувства выразительныя движенія относятся къ предметамъ или впечатлѣніемъ воображаемымъ.*

Эти выразительныя движенія тѣмъ чаще и живѣе, чѣмъ дѣятельнѣе и чувствительнѣе органъ чувствъ, возбуждаемый впечатлѣніями воображенія. Чаще всего это замѣчается у осязанія, затѣмъ у вкуса и обонянія, рѣже всего у слуха.

Остается установить еще одинъ законъ. Продолжительныя и часто повторяющіяся движенія оставляютъ особенно на лицѣ, постоянные слѣды, все равно, являются ли эти движенія чисто тѣлесными, или исходятъ отъ ума или отъ чувства.

4) *Выразительныя движенія со временемъ превращаются въ постоянныя физіогномическія черты.*

Всѣ установленные законы легко сводятся къ первому основному закону. Въ заключеніе нужно замѣтить, что многообразная гамма человѣческихъ чувствъ и мыслей рѣдко даетъ состояніе съ чистой вырази-

тельной формой, ибо съ одной стороны рѣдко встрѣчается чувство, не сопровождаемое другимъ, а съ другой, при постоянномъ чередованіи выраженій, часть прежняго остается въ силѣ и по возникновеніи новаго, а часто возникающее новое ощущеніе шлетъ предвѣстниковъ въ такое время, когда другое выраженіе еще господствуетъ. Понятно, нѣтъ никакой возможности описать или даже перечислить всѣ эти многообразныя комбинаціи.

ГЛАВА IV.

Человѣческое лицо.

На человѣческомъ лицѣ главная роль въ смыслѣ выразительныхъ движеній принадлежитъ глазу, рту и носу. Основное правило таково, что мимическія выраженія легче всего выступаютъ на мускулахъ глазъ и труднѣе всего на мышцахъ рта.

1. Глазъ.

Извѣстно, что глазъ — зеркало души, отражающее всѣ затаеннѣйшіе уголки нашей внутренней жизни. Собственно, глазное яблоко съ точки зрѣнія мимики не имѣетъ никакого значенія: вся сила выраженія сосредоточивается въ окружающихъ мышцахъ. При помощи мышцъ глазное яблоко поворачивается въ обѣ стороны, вверхъ, внизъ, и такимъ образомъ опредѣляется направленіе взгляда. Нужно различать подвижность взгляда и направленіе его. Отъ подвижности зависятъ слѣдующіе роды взглядовъ.

1) *Взглядъ вялый.* За каждымъ большимъ напряженіемъ наступаетъ соотвѣтствующее утомленіе, когда мыслительная дѣятельность и способность умственнаго воспріятія уменьшается. Подвижность глазныхъ мышцъ

сокращается, а соотвѣтственно этому сокращается и дѣятельность взгляда.

2) *Подвижной взглядъ.* Чѣмъ живѣе умъ возбужденъ различными и чередующимися впечатлѣніями, тѣмъ быстрѣе движется глазное яблоко, и взглядъ становится живѣе, подвижнѣе.

3) Т*вердый взглядъ.* Чѣмъ больше умъ привлеченъ какимъ нибудь однимъ предметомъ,—находится ли онъ въ воображеніи или въ дѣйствительности, — тѣмъ больше напрягаются глазые мускулы, вслѣдствіе чего глазное яблоко немного выступаетъ изъ впадины.

4) *Мягкій взглядъ.* Спокойная подвижность; взглядъ покоится мягко и отворачивается безъ напряженія.

5) *Бѣгающій взглядъ.* Представленія чередуются, не привлекая особеннаго вниманія. Этотъ бѣгающій или разсѣянный взглядъ напоминаетъ

6) *Безпокойный взглядъ,* также безпрерывно бѣгающій туда и сюда, но этотъ временами останавливается подольше на одномъ предметѣ, какъ будто ища у него ясности или помощи.

7) *Уставленный* (*выпученный*) *взглядъ.* Въ состояніи самозабвенія взглядъ потерялъ всякую подвижность и безцѣльно уставленъ въ даль. Глазныя яблоки не повернуты другъ къ другу, вслѣдствіе чего зрительныя оси приближаются къ параллельному положенію.

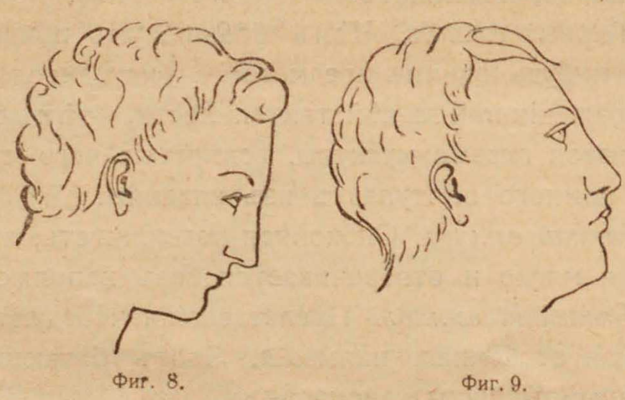
Отъ направленія взгляда вверхъ, внизъ или въ стороны зависятъ различныя выразительныя формы, однако, онѣ пріобрѣтаютъ свои характерныя значенія отъ различныхъ сопровождающихъ явленій.

8) *Затаенный взглядъ* (см. фиг. 8). Голова опущена, дабы казаться безучастной, однако, направленный косо и вверхъ взглядъ обнаруживаетъ тайный интересъ.

9) *Боязливый взглядъ.* Затаенный взглядъ къ тому еще сталъ безпокойнымъ.

10) *Подглядывающій взглядъ.* Затаенный взглядъ сталъ въ тоже время твердымъ (также: взглядъ недовѣрчивый).

11) *Восхищенный* или *мечтательный взглядъ* (см. фиг. 9) обращенъ вверхъ и вдаль при совершенно открытомъ глазѣ. Болѣе высокая степень восхищенія, экстазъ, получается, когда у восхищеннаго, сильно

Фиг. 8. Фиг. 9.

кверху направленнаго взгляда, вѣко совершенно или частью закрыто, при чемъ, въ послѣднемъ случаѣ, видна только бѣлая часть глазного яблока. Болѣе слабый видъ восхищеннаго взгляда представляетъ *открытый взглядъ*, при которомъ глазъ ясно открытъ, не заключая приподнятаго выраженія.

Глазъ совершенно закрывается, или закрывается нѣсколько разъ подрядъ (моргаетъ) благодаря внезапному интенсивному возбужденію зрѣнія или слуха, какъ бы защищаясь отъ вліянія внезапнаго зрительнаго возбужденія. Хотя физіологи объясняютъ закрываніе глазъ при слуховыхъ возбужденіяхъ нѣсколько иначе, но мнѣ кажется, что закрываніемъ глаза вниманіе должно быть отклонено отъ внѣшняго міра, и должна быть увеличена воспріичивость слухового органа.

Особенное участіе въ выраженіи глазъ принимаютъ вѣки, брови и складки на лбу.

Брови, при помощи мышцъ, могутъ не только ото-

двигаться въ стороны, но и сдвигаться. При этомъ кожа между бровями образуетъ вертикальныя складки. Мышца бровей представляетъ вспомогательный аппаратъ мышцы, закрываюшей глазъ, поэтому его дѣятельность можно также отнести къ защитѣ глаза.

Вертикальныя складки образуются при всѣхъ непріятныхъ представленіяхъ, въ воображеніи ли или въ дѣйствительности; онѣ представляютъ характерный признакъ дурного настроенія духа и гнѣва. Складки эти вызываются также напряженной умственной дѣятельностью. Послѣ сказаннаго можно еще различать.

12) *гнѣвный взглядъ* (см. фиг. 10).

Фиг. 10.

При помощи подымателя вѣка верхнее вѣко можетъ подвигаться самостоятельно. Когда вѣки подняты вверхъ, человѣкъ въ состояніи быстро и ясно узнавать причины возбужденія чувствъ. Представленія являются уму въ качествѣ объектовъ, доступныхъ для воспріятія чувствами напр. зрѣніемъ. Поэтому вѣки подымаются вверхъ, когда вниманіе возбуждено какимъ нибудь представленіемъ. Если это случается внезапно, то наступаетъ состояніе изумленія.

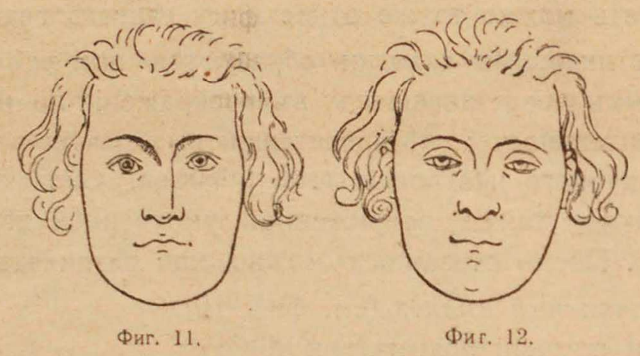
При изумленіи вѣки подымаются вдругъ. При долгой внимательности вѣки остаются долго въ приподнятомъ положеніи.

Затѣмъ мы получаемъ:

13) *напряженный взглядъ* (см. фиг. 11). Его противоположность—

14) *усталый взглядъ* (см. фиг. 12), при которомъ вѣки отчасти покрываютъ глазное яблоко при мягкомъ взглядѣ.

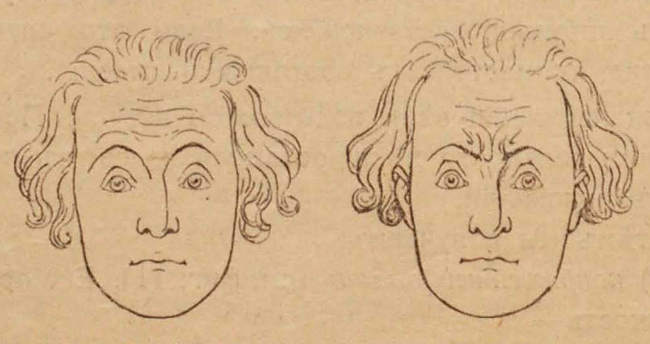
При помощи лобныхъ мышцъ, мышца, закрывающая глазъ, притягивается кверху, и такъ какъ этимъ достигается открыванiе глаза и держанiе его открытымъ, то лобную мышцу можно съ полнымъ правомъ

Фиг. 11. Фиг. 12.

считать вспомогательной мышцей подымателя вѣкъ. Благодаря дѣятельности и напряженiю лобныхъ мышцъ на лицѣ образуются горизонтальныя лобныя складки, и брови подымаются вверхъ. Если нужно какъ можно быстрѣе и выше поднять вѣко, то лобныя мышцы содѣйствуютъ, и мы получаемъ, при поднятыхъ бровяхъ и горизонтальныхъ лобныхъ складкахъ, выраженiе сильнаго изумленiя и удивленiя.

15) *Удивленный взглядъ* (см. фиг. 13). Если это выраженiе длится нѣкоторое время, мы получаемъ вы-

Фиг. 13. Фиг. 14.

раженiе напряженнаго и длящагося вниманiя. Если скомбинировать выраженiе сильнаго изумленiя съ вы-

раженіемъ непріятнаго представленія, то мы получимъ, при высоко поднятыхъ бровяхъ и вѣкахъ и одновременныхъ горизонтальныхъ и вертикальныхъ складкахъ лба, выраженіе страха и испуга:

16) *испуганный взглядъ* (см. фиг. 14).

Большое вліяніе на выраженія глаза имѣютъ слезы и обусловливаемое кровообращеніемъ большее или меньшее напряженіе кожной капсюли глазного яблока.

Такъ какъ оба эти фактора рѣдко стоятъ во власти человѣка, такъ что ими невозможно пользоваться произвольно для мимическихъ выраженій, то нужно только сказать, что имѣющаяся слезная влага способствуетъ блеску глаза. Люди легко возбуждающіеся, энтузіасты имѣютъ постоянно влажные, блестящіе глаза. И душевная жизнь имѣетъ вліяніе на блескъ и, слѣдовательно, на выраженіе глаза. Угнетающіе аффекты дѣйствуютъ притупляюще на жизненную дѣятельность, — глазъ становится болѣе вялымъ; наоборотъ, возвышающіе аффекты: радость, воодушевленіе, а также гнѣвъ возбуждаютъ жизненную дѣятельность организма, вслѣдствіе чего повышается блескъ глазъ.

2. Ротъ.

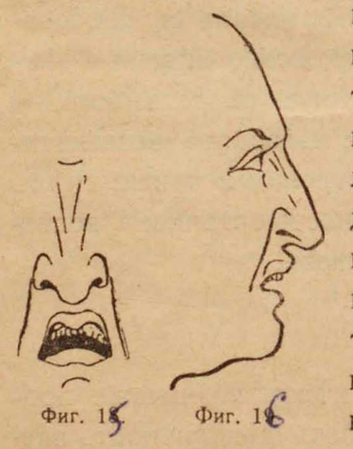
Мускульный аппаратъ рта имѣетъ назначеніе производить звуки рѣчи и подкрѣплять дѣятельность вкусового, а отчасти и слухового органа.

Въ мимикѣ мы имѣемъ дѣло только съ двумя послѣдними задачами мускульнаго аппарата. Какъ глазное яблоко, представляя существеннѣйшій аппаратъ для выраженія лица, — для мимики an und für sich имѣетъ не важное значеніе, такъ языкъ для чувства вкуса есть самый важный мускулъ, а для мимики не имѣетъ почти никакого значенія, ибо мимическое выраженіе вкусовыхъ ощущеній, хотя и получаетъ свое

возбужденіе отъ очень развѣтвленнаго въ языкѣ вкусового нерва, однако, передается внѣ впадины рта, а именно, при помощи движеній мышцы закрывающей ротъ: губы, гдѣ находится эта мышца, могутъ подвигаться вверхъ, внизъ и въ стороны, а также сжиматься.

Для мимическихъ выраженій ротъ, благодаря многообразнымъ измѣненіямъ его формы, имѣетъ громадное значеніе. Посредствомъ измѣненія его формы мы получаемъ опредѣленныя мимически-характерныя черты, каковы:

1. *Горькая черта* (фиг. 15 и 16). Когда мы, во время ѣды, наталкиваемся на невкусный предметъ, мы стараемся смягчить непріятное вкусовое вліяніе тѣмъ, что, посредствомъ движенія челюстей, удаляемъ языкъ отъ нёба. При этомъ одновременно посредствомъ мышцъ (подымателей верхней губы) верхняя губа какъ можно дальше удаляется отъ нижней. Благодаря дѣятельности подымателей верхней губы, эта послѣдняя подымается вверхъ въ своей серединѣ, такъ что середина втягивается внутрь. Носовыя крылья оказываются приподнятыми вверхъ,

Фиг. 15 Фиг. 16

вслѣдствіе чего складки, идущія отъ носовыхъ крыльевъ къ обоимъ угламъ рта, очерчиваются прямолинейно и глубоко. Также и спинка носа даетъ складки вслѣдствіе поднятія ноздрей.

Это выраженіе, которое прежде всего соотвѣтствуетъ непріятнымъ, горькимъ вкусовымъ ощущеніямъ, имѣетъ мѣсто и при всѣхъ непріятныхъ представленіяхъ или настроеніяхъ, къ которымъ удачно примѣняется эпитетъ „горькій“.

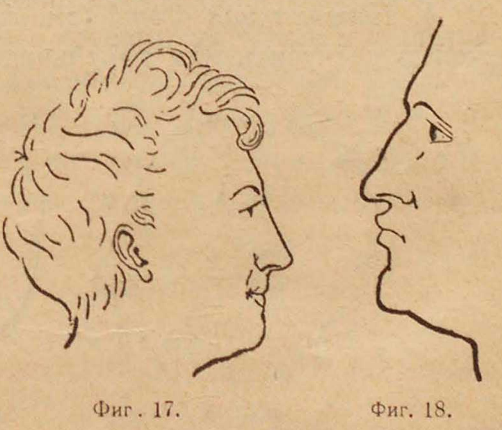
Путемъ комбинацiи горькой черты съ выраженiемъ зрительныхъ ощущенiй мы получаемъ нѣсколько новыхъ мимическихъ выраженiй.

Если при горькой чертѣ взглядъ вялъ, то мы получаемъ выраженiе пассивнаго и горькаго страданiя. Если взглядъ твердъ и энергиченъ, мы получаемъ выраженiе гнѣвнаго огорченiя. Восхищенно глядящiе вверхъ глаза, другими словами, восхищенный взглядъ при горькой чертѣ даетъ выраженiе страдальческаго благоговѣнiя.

Удивленный взглядъ съ выраженiемъ горечи показываетъ, что человѣкъ мучается непрiятными воспоминанiями.

Горькая черта съ испуганнымъ взглядомъ даетъ выраженiе величайшаго ужаса.

2. *Сладкая черта* (см. фиг. 17). Когда мы раскусили сладкiй предметъ, то стараемся возвысить вкусовое впечатлѣнiе: языкъ входитъ въ впадину рта какъ можно больше, дабы получить какъ можно больше точекъ прикосновенiя. Закрытый ротъ и щеки какъ можно крѣпче прижимаются къ зубамъ. Щель рта растягивается не въ ширину, а только по прямой линiи (не такъ, какъ при смѣхѣ). Губы сжимаются такимъ образомъ, что въ профиль представляются прямолинейными.

Фиг. 17. Фиг. 18.

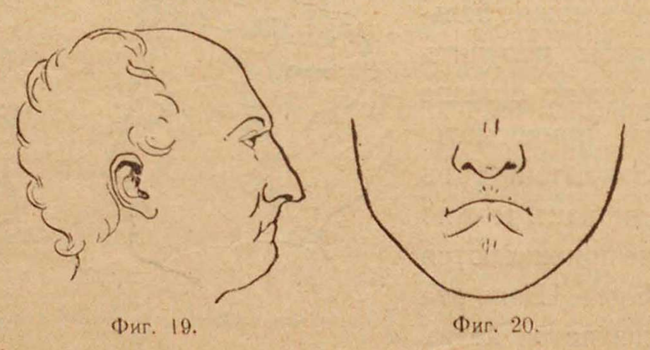
Сладкая черта есть выраженiе необыкновенно прiятныхъ, сладкихъ воспоминанiй и представленiй.

3. *Испытующая черта* (см. фиг. 18). Когда я хочу

попробовать, отвѣдать чего-нибудь, я ввожу этотъ предметъ въ вытянутыя впередъ губы, дабы ощутить вкусъ медленно и осторожно. Это же выраженіе мы замѣчаемъ у человѣка, желающаго изслѣдовать цѣнность объекта, все равно отвлеченное ли это представленіе или реальный предметъ. Въ этой минѣ можно всегда подмѣтить чувство превосходства и сознаніе собственнаго достоинства.

Изъ различныхъ комбинацій этой черты нужно упомянуть слѣдующую: непріятное выраженіе глаза въ соединеніи съ испытующей чертой указываетъ, что человѣкъ, взвѣшивающій доводы за и противъ, уже намѣренъ высказаться въ неблагопріятномъ смыслѣ. По горизонтальнымъ складкамъ лба, напряженному и удивленному взгляду, мы узнаемъ, что испытуемый объектъ имѣетъ для даннаго человѣка величайшее значеніе.

4. *Напряженная черта* (см. фиг. 19 и 20). Когда я желаю раскусить или измельчить твердый предметъ,

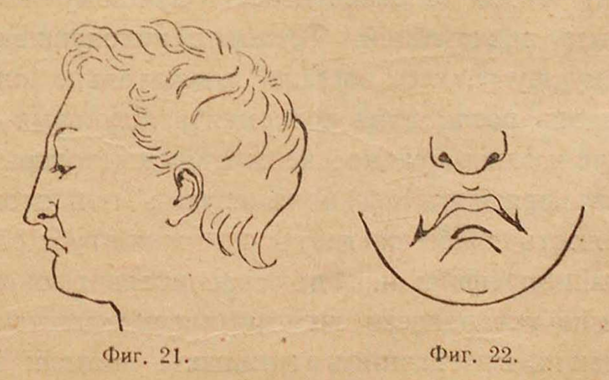
Фиг. 19. Фиг. 20.

я сдвигаю зубы и сжимаю губы. Всѣ мышцы въ величайшемъ напряженіи. Нижняя челюсть съ необыкновенной силой прижимается къ верхней. Губы крѣпко замкнуты внутрь, причемъ сильно напряженная нижняя губа тѣснитъ верхнюю губу немного вверхъ. При этомъ кожа подбородка такъ крѣпко прижимается къ

кости, что подъ срединой нижней губы появляются двѣ складки или углубленія, которыя какъ ребра тупоугольнаго треугольника идутъ въ стороны и внизъ отъ середины нижней губы. Это выраженіе имѣетъ мѣсто при всѣхъ сильныхъ тѣлесныхъ и духовныхъ напряженіяхъ. Оно характерно для досады, желанія сдержаться, противорѣчія, своеволія, упорства.

Изъ многихъ комбинацій этой черты мы упомянемъ важнѣйшія. Если къ выраженію досады такъ живо присоединяется горькая черта, что верхняя губа, поднятая вверхъ, не покрываетъ зубовъ, что ноздри расширяются, какъ бы вздуваются, если на лбу появляются горизонтальныя складки удивленнаго или напряженнаго взгляда и вертикальныя складки гнѣвнаго,—то мы получаемъ выраженіе высшаго, до бѣлаго каленія доведеннаго бѣшенства. Открытые зубы указываютъ на сильное нападеніе и отчаянную защиту. Вздувающіяся ноздри служатъ для живѣйшаго дыханія, которое вслѣдствіе сжатаго состоянія зубовъ не можетъ производиться черезъ ротъ; дыханіе это благодаря особенной энергіи производитъ извѣстный свистъ и сопѣніе.

5. *Презрительная черта* (см. фиг. 21 и 22) можетъ быть приведена въ связь съ вкусовымъ ощущеніемъ,

Фиг. 21. Фиг. 22.

вызваннымъ отвратительнымъ предметомъ. Я этотъ предметъ хочу удалить изо рта. При этомъ въ верхней

губѣ появляется черта горечи, нижняя губа толкается вверхъ; я часто выдыхаю воздухъ, какъ будто бы желаю вмѣстѣ съ нимъ выдунуть или выплюнуть отвратительный предметъ. Выраженіе досады существенно отличается отъ выраженія презрѣнія тѣмъ, что при досадѣ подъ нижней губой образуются двѣ прямолинейныя складки подъ тупымъ угломъ, въ то время какъ при презрительной чертѣ образуется дугообразная складка, идущая почти параллельно дугообразной щели рта. Умѣренное отвращеніе можетъ быть выражено и при открытомъ ртѣ, причемъ обѣ губы почти сохраняютъ презрительную черту, только складки, вслѣдствіе меньшаго напряженія мышцъ, не такъ рѣзко очерчиваются.

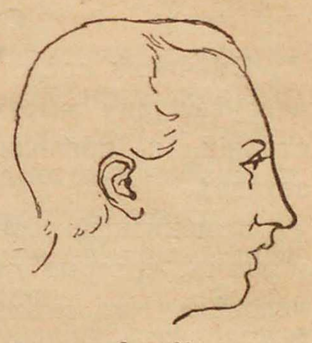
Комбинаціи этой черты указываются почти сами собой. Такъ, напримѣръ, презрительная черта въ соединеніи съ гнѣвнымъ взглядомъ выражаетъ, что человѣкъ одновременно ощущаетъ гнѣвъ и презрѣніе.

Намъ нужно еще изслѣдовать, въ какомъ отношеніи мышцы рта находятся къ слуху.

Мышцы внѣшняго уха рѣдко подвижны; и даже если подвижны, то въ незначительной степени, не на столько, чтобы способствовать лучшему воспріятію слуховыхъ впечатлѣній. Тотъ кто прислушивается къ неясному шуму, кто, вообще, внимательно слушаетъ, открываетъ ротъ, дабы воспринять звуковыя впечатлѣнія не только ухомъ, но и ртомъ. (который находится въ связи съ органомъ слуха); при этомъ нижняя челюсть слабо спадаетъ, и нижняя губа отпадаетъ въ линіи профиля назадъ сравнительно съ верхней Уже было установлено, что мимическія движенія легче выступаютъ въ глазныхъ мышцахъ, нежели въ мышцахъ рта. Если я при умѣренной внимательности раскрываю только глаза, при большей внимательности

еще поднимаю вверхъ брови и кожу лба (комбинація напряженнаго и удивленнаго взгляда), то высшая степень внимательности или изумленія скажется одновременнымъ къ тому еще раскрытіемъ рта. Вы стараетесь узнать и глазомъ и ухомъ вмѣстѣ.

Очень вялые люди, у которыхъ замѣчается слабая воспріимчивость впечатлѣній и поэтому слабая степень мимической выразительности, выражаютъ свое изумленіе, при полной апатіи глазныхъ мышцъ, почти исключительно открытіемъ рта; поэтому мы такую черту, когда она не сопровождается никакой другой, можемъ назвать *чертой ограниченности* (см. фиг. 23).

Фиг. 23.

3. Носъ.

Мышцы носа играютъ въ мимическомъ выраженіи лица очень подчиненную роль. Носовыя крылья, правда, могутъ быть вздуты, расширены и сужены, но у многихъ людей подвижность носовыхъ крыльевъ очень незначительна, а многіе и совсѣмъ ею не обладаютъ.

При пріятныхъ ощущеніяхъ обонянія, мы стараемся воспринять какъ можно больше обонятельныхъ впечатлѣній, что совершается посредствомъ сильныхъ вдыханій чрезъ носъ, причемъ ноздри расширяются. При непріятныхъ ощущеніяхъ обонянія, наоборотъ, ноздри суживаются.

Эти явленія вызываются не только пахучими веществами, но и представленіями какъ умственнаго, такъ и тѣлеснаго глаза. Широко раскрытыя ноздри имѣютъ такое же химическое значеніе, какъ широко раскрытые глаза. При непріятныхъ представленіяхъ мы закрываемъ

ноздри. Извѣстная презрительная черта обозначается выраженіемъ „морщить носъ“: при этомъ ноздри уменьшаются путемъ стягиванія носовыхъ крыльевъ.

ГЛАВА VI.

Смѣхъ и плачъ.

Въ числѣ средствъ, находящихся въ распоряженіи человѣка для выраженія духовныхъ и тѣлесныхъ состояній, мы привели и нарушеніе дыханія, и издаваніе звуковъ.

Комбинаціей обоихъ этихъ средствъ являются смѣхъ и плачъ, которые находятъ ясное выраженіе и на лицѣ человѣка. Что смѣхъ и плачъ связаны съ появленіемъ слезъ, извѣстно всякому, а такъ какъ проливаніе слезъ, какъ и другія тѣлесныя отдѣленія (потѣніе), обыкновенно не находится во власти человѣка, то остается говорить только о мимическихъ явленіяхъ.

О причинахъ плача мы приведемъ слѣдующее объясненіе Дарвина: „плачъ, вѣроятно, результатъ какой нибудь цѣпи событій въ родѣ слѣдующей. Когда дѣти требуютъ пищи или какъ нибудь страдаютъ, то они громко кричатъ, какъ дѣтеныши большинства другихъ животныхъ, отчасти вслѣдствіе того, что всякое большое напряженіе дѣйствуетъ облегчающимъ образомъ. Продолжительный крикъ ведетъ неизбѣжно къ переполненію кровеносныхъ сосудовъ глаза, и это, вѣроятно,— сначала сознательно, а затѣмъ въ силу привычки — повело къ скопленію мышцъ вокругъ глаза съ цѣлью его защитить. Въ то же время судорожное давленіе на поверхность глаза и растяженіе сосуда внутри его, не приводя непремѣнно какого-либо сознательнаго ощущенія, имѣло вліяніе на слезныя железы благодаря рефлексивной дѣятельности. Наконецъ дошло до того, что страданіе легко влечетъ отдѣленіе слезъ, не сопрово-

ждаясь непремѣнно какой-либо другой дѣятельностью". Что сильная радость, сильный смѣхъ можетъ принести намъ страданіе, извѣстно, и этимъ объясняется появленіе слезъ радости, которыя также вызываются механическимъ давленіемъ мышцъ, закрывающихъ глазъ на слезныя железы.

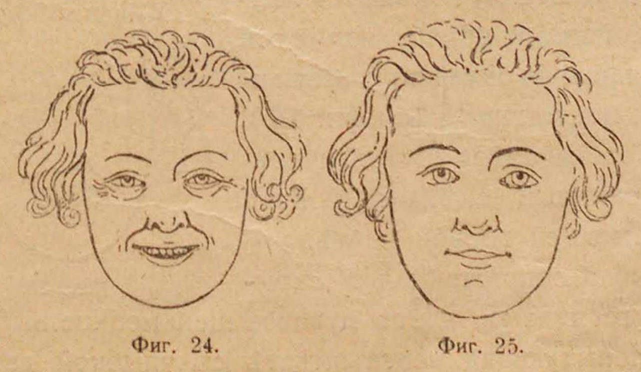
Смѣхъ и плачъ состоятъ въ нарушеніи дыхательныхъ движеній, вызываемыхъ ритмическимъ сокращеніемъ грудобрюшной преграды.

Подобно тому какъ смѣхъ вызывается и тѣлеснымъ раздраженіемъ при щекотаніи, и радостными представленіями, такъ плачъ наступаетъ при тѣлесномъ страданіи и мучительныхъ представленіяхъ.

При смѣхѣ воздухъ во время выдыханія вытѣсняется толчками, при всхлипываніи онъ вдыхается толчками. И смѣхъ и плачъ могутъ быть причислены къ средствамъ обороны отъ тѣлесной опасности. Посредствомъ вызваннаго смѣхомъ и плачемъ нарушенія въ дыханіи, уничтожается или по крайней мѣрѣ умаляется опасность отъ причиненнаго радостью или страданіемъ нарушенія въ кровообращеніи.

Особенную важность имѣютъ при смѣхѣ и плачѣ движенія лицевыхъ мышцъ.

А. Смѣющееся лицо (см. фиг. 24). Дабы доставить

Фиг. 24. Фиг. 25.

вуздуху безпрепятственный доступъ и выходъ, ротъ

при смѣхѣ и плачѣ раскрывается и расширяется, причемъ верхняя губа поднимается, такъ что обнаруживаются зубы. Вслѣдствіе напряженія мышцъ рта на углахъ его образуется глубокая складка, которая спускается дугообразно отъ носовыхъ крыльевъ. Посредствомъ одновременно поднятыхъ щекъ, у нижняго края глазной впадины образуется складка, а около боковыхъ угловъ глазъ появляются малыя складки, извѣстныя подъ именемъ „гусиныхъ лапокъ„. Эта степень обыкновеннаго смѣха можетъ быть усилено и ослаблена.

Такъ какъ дыхательныя мышцы менѣе возбуждаются нежели мышцы рта, то очень часто на лицѣ появляются слѣды смѣха раньше, чѣмъ дыхательный аппаратъ приведенъ въ замѣтное или слышное движеніе. Появляется улыбка (см. фиг. 25) при чемъ ротъ очень мало, а иногда и совсѣмъ не раскрытъ, углы рта очень мало оттянуты въ стороны.

Ямочки на щекахъ, появлющіяся у иныхъ субъектовъ, представляютъ еще болѣе слабую степень улыбки. Вынужденная улыбка обнаруживается, когда оттянутъ лишь одинъ уголъ рта. Вынужденная улыбка также образуется путемъ комбинаціи съ слабо выступающей горькой чертой.

Болѣе сильныя степени смѣха вызываютъ мучительныя ощущенія, почему на лбу являются вертикальныя складки, указывающія на непріятность (см. фиг 26.).

Фиг. 26.

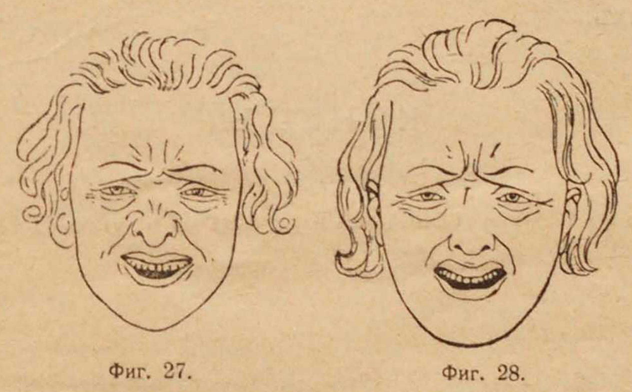
Горькій смѣхъ есть вымученный сильный смѣхъ при ярко выступающей горьой чертѣ.

Улыбка, сопряженная со скрытымъ взглядомъ, даетъ лукавое шельмецкое выраженіе.

Испытующая черта вмѣстѣ съ улыбкой даетъ выраженіе брезгливости.

Удивленный взглядъ съ улыбкой показываетъ радостное изумленіе.

В Плачущее лицо (см. фиг. 27 и 28). Существуетъ извѣстная игра, гдѣ однимъ штрихомъ смѣющееся лицо превращается въ плачущее. Эта шутка основывается на утвержденіи, что при плачѣ углы рта оттягиваются внизъ, а при смѣхѣ—вверхъ. Однако, на дѣлѣ почти нѣтъ никакой разницы между смѣющимся и плачущимъ ртомъ. Въ этомъ легко убѣдиться: стоитъ только наблюдать беззвучно плачущаго или смѣющагося человѣка, который рукою покрылъ себѣ носъ, и мы будемъ въ совершенномъ недоумѣніи: плачетъ-ли это человѣкъ или смѣется. Единственное характерное отличіе между плачущимъ и смѣющимся лицомъ состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ носовыя крылья оттянуты внизъ, благодаря чему складка рта сходитъ къ углу рта не прямо, какъ при смѣхѣ, но сначала наружу, а затѣмъ только поворачивая, въ видѣ дуги, внизъ.

Фиг. 27. Фиг. 28.

ГЛАВА VII.

Заключеніе.

Въ приведенныхъ главахъ перечислены далеко не всѣ мимическія явленія. Послѣднія, какъ уже замѣчено, варіируются до безконечности и перечислить ихъ

нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе, что многія выраженія мѣняются въ зависимости отъ среды и лицъ. Съ инструментами въ рукахъ (таковы, напр., палочка у капельмейстера, вѣеръ у дамы и проч.) мимическимъ выраженіямъ могутъ быть приданы новыя значенія, разгадываніе которыхъ не представляетъ особыхъ затрудненій. Мы и не задавались цѣлью исчерпать всѣ мимическія явленія. Мы указали лишь главные ресурсы произвольной мимики, давая читателямъ возможность самимъ разбираться въ интересующихъ ихъ явленіяхъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.